3 1761 08821028 1

LR
L8824me

[Lotarev, Igor' Vasil'evich]

(ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.)

МЕНЕСТРЕЛЬ

Menestrel'

НОВѢЙШІЯ ПОЭЗЫ

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

([Собраніе поэзъ])
ТОМЪ XII.

495554
11.8.49

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОСКВА“
БЕРЛИНЪ 1921.

Русскій книжный магазинъ
„МОСКВА“ въ Берлинѣ
Адресъ:
Russ. Buchhandlung Heinrich Sachs
BERLIN S.W. 48, Wilhelm-Straße 29

Русская типографія Евгенія Ал. Гутнова
Berlin S. 14, Dresdner Strasse 82-83

УВЕРТЮРА

УВЕРТЮРА къ т. XII.

Пой, менестрель! Пусть для міровъ воспѣтья
Тебѣ подвластно все! пусть въ пѣснѣ — цѣль!
Пой, менестрель двадцатаго столѣтья!
Пой, менестрель!

Пой, менестрель! Слѣпецъ, — ты вѣчно зрячій.
Старикъ, — ты вѣчно юный, какъ апрѣль.
Растопитъ льды потокъ строфы горячей, —
Пой, менестрель!

Пой, менестрель, всегда бездомный нищій,
И правду иносказно освирѣль . . .
Пѣснь, только пѣснь — души твоей жилище!
Пой, менестрель!

I.

БЫТЬ СОБОЙ.

ПОЭЗА ОБЪ ЭСТОНІИ.

Какъ фениксъ, возникшій изъ пепла,
Возникла изъ смуты страна.
И если еще не окрѣпла,
Я вѣрю, окрѣпнетъ она:

Такая она трудолюбка,
Что сможетъ остаться собой.
Она — голубая голубка
И воздухъ она голубой.

Всегда я подверженъ надеждѣ
На этихъ утесахъ, повѣрь, —
Въ Эстляндской губерніи прежде,
Въ республикѣ Эсти теперь.

Гдѣ нѣкогда бился Калевичъ,
Тамъ можетъ ли доблесть уснуть?
О, сказочный принцъ — королевичъ
Вернется къ любимой на грудь!

Давно корабли вдохновеній
Качнулъ къ побережью приливъ:
Ихъ вёлъ изъ Поэзіи геній
Со сладостнымъ именемъ — Лійвъ.

Запомни: всегда вдохновенна
Мелодій ея бирюза.
У Ridala, Suits'a и Enno
Еще не закрылись глаза . . .

И вся ты подобна невѣстѣ,
И вся ты подобна мечтѣ,
Эстонія, милая Эсти,
Оазисъ въ житейской тщетѣ!

ПИСЬМО.

Отчаянье и боль мою пойми, —
Какъ передать мнѣ это хладнокровно? —
Мужчины, переставши быть людьми,
Преступниками стали поголовно.

Вѣдь какъ бы человѣка не убить,
При томъ въ какія-бъ роли не рядиться,
Поставивъ лозунгъ: „быть или не быть“, —
Убившій всё равно всегда убійца.

Разбойникъ ли, насильникъ, патріотъ,
Идейный доброволецъ, подневольный
Простой солдатъ, — ахъ, всякій, кто идетъ
Съ оружіемъ, чтобъ сдѣлать брату больно,

Чтобъ посягнуть на жизнь его, — палачъ,
Убійца и преступникъ, вѣчный Каинъ!
Пускай всю землю оглашаетъ плачъ
Съ экватора до полюсныхъ окраинъ . . .

Какіе ужасающіе дни!
Какая смертоносная отрава! . . .
Отнынѣ только женщины однѣ
Людьми назваться получаютъ право . . .

ПОЭЗА О СТАРЫХЪ РАЗМѢРАХЪ.

О вы, размѣры старые,
Захватанные многими,
Банальные, дешевые,
Готовыя клише!
Звучащіе гитарою,
И съ рифмами убогими —
Прекраснѣе, чѣмъ новые,
Простой моей душѣ!

Вы были при Державинѣ,
Вы были при Некрасовѣ,
Вы были при Никитинѣ,
Вы были при Толстомъ!
О вы — подобны лавинѣ!
И какъ васъ не выбрасывай,
Что новое не вытяни, —
Вы проситесь въ мой томъ.

Привѣтствую васъ, вѣрные
Испытанно — надежные,
Округло — музыкальные,
Любимые мои!
О вы — друзья примѣрные,
Вы, милые, вы, нѣжные
Весёлые, печальные,
Размѣры — соловьи!

РОДНО ГЕНРИКУ ВИСНАПУ.

У Виснапу не только лишь „Хуленье“
На женщину, дразнящее толпу:
Есть нѣжное, весеннее влюбленье
У Виснапу.

Поэтъ идетъ, избравъ себѣ тропу,
Улыбкой отвѣчая на гоненье;
Пусть критика танцуетъ ки-ка-пу, —

Не въ этомъ ли ея предназначенье?..
Вдыхать ли запахъ ландыша... клопу?!.
— О, женщины! какъ чисто вдохновенье
У Виснапу!

ПОЭЗА ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Правительство, когда не чтитъ поэта
Великаго, не чтитъ себя само
И на себя накладываетъ veto
Къ признанію, и срамное клеймо.

Правительство, зовущее въ строй армій
Художника подъ пушку и ружье,
Напоминаетъ повѣсть о жандармѣ,
Предавшемъ палачу дитя свое.

Правительство, лишившее субсидій
Писателя, вошедшаго въ нужду,
Себя являетъ въ непристойномъ видѣ
И вызываетъ въ нёмъ къ себѣ вражду.

Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Такъ, отчеканивъ яркій ямбъ цезурой,
Я хлёстко отчеканиваю власть.

А общество, смотрящее спокойно
На притѣсненье геніевъ своихъ,
Вандальнаго правительства достойно,
И не мечтать ему о дняхъ иныхъ . . .

САМОПРОВОЗГЛАШЕНІЕ

Еще семь дней, и годъ минуетъ, —
Срокъ „царствованья" моего.
Кого тогда страна взыскуетъ:
Другого или никого?

Гдѣ состоится перевыборъ
Поэтовъ русскихъ короля?
Какое скажетъ мнѣ спасибо
Родная русская земля?

И состоится ли? — едва ли:
Не до того моей странѣ, —
Она въ мучительномъ развалѣ
И въ агоническомъ огнѣ.

Да и страна-ль меня избрала
Великой волею своей
Отъ Ямбурга и до Урала?
Нѣтъ, только кучка москвичей.

А потому я за недѣлю
До истеченья срока, самъ
Всѣ злыя цѣли обезцѣлю,
Вернувъ „корону" москвичамъ.

Я отрекаюсь отъ порфиры
И вдохновляемъ февралемъ,
За струнной изгородью лиры,
Провозглашаюсь королемъ!

ПОЭЗА СОСТРАДАНІЯ.

Жалѣйте каждаго больного
Всѣмъ сердцемъ, всей своей душой,
И не считайте за чужого
Какой бы ни былъ онъ чужой.

Пусть къ вамъ потянется калѣка,
Какъ къ доброй матери — дитя;
Пусть въ человѣкѣ человѣка
Увидитъ, сердцемъ къ вамъ летя.

И обнадеживъ безнадежность,
Всё возлюбя и всё простивъ,
Такую проявите нѣжность,
Чтобъ умирающій сталъ живъ!

И будетъ радостна вамъ снова
Вся эта грустная земля . . .
Жалѣйте каждаго больного,
Ему сочувственно внемля.

ПОЭЗА „ego“ МОЕГО.

Изъ меня хотѣли сдѣлать торгаша,
Но торгашеству противилась душа.

Смыслу здравому учили съ дѣтскихъ дней,
Но въ Безрàзумность влюбился соловей.

Подъ законы всё стремились подвести, —
Беззаконью удалось законъ смести.

И общественное мнѣнье я презрѣлъ,
Въ предразсудки выпускалъ десятки стрѣлъ.

Въ этомъ мірѣ только я, — иного нѣтъ.
Излучаю сквозь себя огни планетъ.

Что мнѣ міръ, разъ въ этомъ мірѣ нѣтъ меня?
Міръ мнѣ нуженъ, если міру нуженъ я.

ПОЭЗА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

Всё то, что раньше было-бъ дикимъ,
Теперь естественно вполнѣ:
Стать предъ рѣшеніемъ великимъ —
Быть иль не быть — пришлось и мнѣ.

Но такъ какъ духъ „не быть“ не можетъ,
И такъ какъ я — пѣвучій духъ,
Отнынѣ выборъ не тревожитъ:
„Быть“ выбралъ изъ рѣшеній двухъ.

ПОЭЗА СВѢТЛОМУ БРАТУ.

Поэту, какъ птицѣ, Господь пропитанье даетъ:
Не сѣю, не жну — существую второй уже годъ.
И добрые люди за добрые пѣсни-стихи
Прощаютъ ошибки и, если найдутся, грѣхи.
Кому теперь нужно искусство? не знаю кому...
Но мнѣ — оно воздухъ, и вотъ я пою потому.
А нѣкто лучистый, — не русскій, эстонецъ, чужой,—
Не ангелъ ли Божій? — слѣдитъ неустанно за мной.
Онъ вѣритъ въ искусство, и полонъ ко мнѣ онъ любви:
„Поэтъ, будь собою: пой пѣсни свои и живи!“
Какъ нищая птица, поэтъ подаянію радъ...
Восторженной трелью я славлю тебя, свѣтлый братъ!

ЭФЕМЕРИДЫ...

Онъ лежалъ, весь огипсенъ,
Забинтованъ лежалъ,
И въ рукѣ его Ибсенъ
Возмущенно дрожалъ...

Гдѣ же гордая личность?
Гдѣ же ego его?
Человѣка отличность
Отъ иного всего?

Неужели все бренно?
Неужели все прахъ?
И его постепенно
Сталъ охватывать страхъ.

Предъ окномъ лыжебѣжецъ
Эфемерилъ свой кругъ...
И великій норвежецъ
Выпалъ на полъ изъ рукъ.

ЛЮДИ ЛИ ВЫ?...

Жизнь догораетъ... Міръ умираетъ...
Небо караетъ грѣшныхъ людей.
Богъ собираетъ и отбираетъ
Правыхъ отъ грѣшныхъ, Богъ — Чудодѣй.

Всюду ворчанье, всюду кричанье,
Всюду рычанье, — люди-ли вы?
Но въ отвѣчанье слышно молчанье:
Люди — какъ тигры! люди какъ — львы!

Всѣ другъ на друга: съ сѣвера, съ юга,
Другъ и подруга — всѣ противъ всѣхъ!
Нѣтъ въ нихъ испуга, въ голосѣ — вьюга,
Въ сердцѣ преступность, въ помыслахъ грѣхъ...

Полно вамъ, будетъ! Богъ васъ разсудитъ,
Богъ васъ очудитъ! Клекотъ орла
Мертвыхъ пробудитъ, грѣшниковъ сгрудитъ,
Вѣрить понудитъ: смерть умерла!

МОЛИТВА МИРРѢ.

Тяжко видѣть гибель міра,
Ощущать ее.
Страждетъ сердце, другъ мой Мирра,
Бѣдное мое.

Все такъ жалко, такъ ничтожно...
День угрознѣй дня...
Дорогая, если можно,
Поддержи меня.

Въ этой яви только злоба, —
Радость лишь во снѣ...
Дорогая, встань изъ гроба
И приди ко мнѣ.

Безнадежно! жутко! пусто!
Въ дняхъ не видно дней...
Гибнетъ, чувствую, искусство,
Что всего больнѣй.

Гибель міра для поэта
Вѣдь не такъ страшна,
Какъ искусства гибель. Это
Ты поймешь одна.

Ты, родная, ты, благая,
Кѣмъ прекрасенъ рай,
Дай мнѣ вѣру, дорогая,
И надежду дай.

Это вопли сердца, Мирра,
Это не слова...
Ты, умершая для міра,
Для меня жива!..

II.

СНѢЖНИКИ ПОЛЬШИ.

ПОЭЗА МОИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

Я наблюдалъ, какъ день за днемъ
Грубѣла жизнь, и вотъ огрубла.
Міръ ѣдетъ къ цѣли порожнемъ,
Свои идеи спрятавъ въ дупла.

Я наблюдалъ — давно! давно! —
За страннымъ тяготѣньемъ къ хамству
Какъ тѣ, кому судьбой дано
Умѣнье мыслить, льнуть къ бедламству.

Я наблюдалъ, какъ человѣкъ
Весь стервенѣетъ безъ закона,
Какъ ловитъ слабыхъ и калѣкъ
Пасть легендарнаго дракона.

Я наблюдалъ, — во всемъ, вездѣ, —
Восторги передъ силой грубой,
И какъ воскрылія къ звѣздѣ
Задерживались тяжкой шубой...

Я наблюдалъ, какъ вѣчный звѣрь
Младенца грызъ, прокравшись въ ясли...
Звѣрѣли люди, и теперь
Въ ихъ душахъ свѣточи погасли.

Чего-жъ ты ждешь, пророкъ Илья?
Греми изъ всѣхъ своихъ орудій!
Не люди — люди, или я —
Не человѣкъ, разъ люди — люди!...

СТЕКЛЯННАЯ ДВЕРЬ.

Дверь на балконѣ была изъ стеколъ
Квадратиками трехъ цвѣтовъ.
И сквозь нее казался соколъ,
На фонѣ моря и кустовъ,
Трехцвѣтнымъ: жолтымъ, алымъ, синимъ.
Но тутъ мы сокола покинемъ:
Центръ тяжести совсѣмъ не въ немъ...
Когда февральскимъ златоднемъ
Простаивала я у двери
Балкона часъ, по крайней мѣрѣ,
Смотря на море чрезъ квадратъ
То жолтый, то иной, мой взглядъ
Блаженствовалъ; подумать только
Оттѣнковъ въ морѣ было столько!

Когда мой милый проходилъ,
Смотрѣла я въ квадратикъ алый, —
И другъ болѣзненный усталый,
Окровянѣвъ, вампиромъ былъ.
А если я смотрѣла въ синь
Стеклянную, мертвѣлъ любимый,
И предо мною плыли дымы,
И я шептала: „призракъ, сгинь“...
Но всѣхъ страшнѣе жолтый цвѣтъ:
Мой другъ проникнутъ былъ измѣной,..
Себя я истерзала смѣной
Цвѣтовъ. Такъ созданъ бѣлый свѣтъ,
Что только въ бѣломъ освѣщеньи
Лицо приводитъ въ восхищенье...

ПОЭЗА ПРИЧИНЫ БОДРОСТИ.

Теперь въ поразительной смѣнѣ
Контрастныхъ событій живешь.
Голодные ужасы въ Вѣнѣ
Бросаютъ насъ въ холодъ и дрожь.

А то, что отъ насъ на востокѣ
Почти не подвластно уму,
Но вѣришь въ какіе-то сроки,
Не зная и самъ почему.

Надъ жизнью склонясь, какъ надъ урной
Еще не ослабнулъ душой:
Въ республикѣ миніатюрной
Наложенъ порядокъ большой.

Пускай мы въ надеждахъ разбиты
И сброшены въ бездну съ горы, —
Мы сыты, мы главное — сыты,
И значитъ — для вѣры бодры.

Мы вѣримъ — не можемъ не вѣрить!—
Мы ждемъ — мы не можемъ не ждать!
Что миръ воцарится въ той мѣрѣ,
Какую вернетъ — Благодать.

ПОЭЗА ДУШЕВНОЙ БОЛИ.

Изъ тусклой ревельской газеты,
Тенденціозной и сухой,
Какъ вы, военныя галеты,
А слѣдовательно — плохой,

Я узнаю о томъ; что въ мірѣ
Идетъ попрежнему вражда,
Что позабылъ весь міръ о мирѣ
Надолго или навсегда.

Все это утѣшаетъ мало
Того, въ комъ тлѣетъ интеллектъ.
Языкъ боговъ земля изгнала,
Пріяла прозы діалектъ.

И вотъ читаю въ результатѣ,
Что арестованъ Сологубъ,
Чье имя въ тонкомъ ароматѣ,
И кто въ словахъ премудро — скупъ;

Что умеръ Леонидъ Андреевъ,
Испивъ свой кубокъ не до дна,
Такую высь мечтой прорѣявъ,
Что межпланетьемъ названа;

Что Собиновъ погибъ отъ тифа
Нелѣпѣйшею изъ смертей,
Какъ яхта радости — отъ рифа,
И какъ отъ пули — соловей;

Что тотъ, чей пылъ великолѣпенъ,
И духъ, какъ знамя, водруженъ,
Онъ, вѣчно юный старецъ Рѣпинъ,
Въ Финляндіи заголоженъ.

Довольно и такихъ извѣстій,
Чтобъ сердце дало перебой.
Чтобъ въ этомъ благодатномъ мѣстѣ
Сталъ мрачнымъ воздухъ голубой.

Уходите вы, могикане,
Послѣдніе, родной страны...
Грядущее, — оно въ туманѣ...
Увы, просвѣты не видны...

Ужель я больше не увижу
Родного Ѳедоръ Кузмича?
Лицо порывно не приближу
Къ его лицу, любовь шепча?

Тогда къ чему-жъ моя надежда
На встрѣчу послѣ тяжкихъ лѣтъ?
Истлѣй, послѣдняя одежда!
Ты, вѣтеръ, замети мой слѣдъ!

Въ Россіи тысячи знакомыхъ,
Но мало близкихъ. Тѣмъ больнѣй,
Когда они погибли въ громахъ
И молніяхъ проклятыхъ дней...

НА СМЕРТЬ СОБИНОВА.

Я двѣ весны, двѣ осени, два лѣта
И три зимы безъ музыки живу...
Ахъ, наяву давали-ль „Риголетто"?
И Собиновъ пѣвалъ ли наяву?

Какъ будто сонъ: оркестръ и капельмейстеръ,
Партеръ, духи, шелка, мѣха, лорнетъ.
Склонялся ли къ Миньонѣ нѣжно Мейстеръ?
Ахъ, наяву склонялся или нѣтъ?

И для чего приходитъ донъ Пасквале,
Какъ наяву когда-то, нынѣ въ бредъ?...
Вернется-ль жизнь когда-нибудь? Едва ли . . .
Какъ странно молвить: Собиновъ—скелетъ . . .

Узнавъ о смерти Вертэра, весною
Въ закатный часъ я шелъ, тоской гонимъ,
И соловей, запѣвшій надъ рѣкою,
Мнѣ показался жалкимъ передъ нимъ!

О, какъ тонка особенность оттѣнка
Въ неповторимомъ горлѣ у того,
Кѣмъ тронута была демимондэнка,
И соловей смолкалъ отъ чаръ его . . .

ПОЭЗА НОВИ ПРОЗАИЧЕСКОЙ.

Ахъ люди живутъ безъ стиховъ,
Безъ музыки люди живутъ,
И роскошью злобно зовутъ
Искусную музыку строфъ.

Ахъ люди живутъ безъ иконъ,
Безъ Бога въ безбожной душѣ.
Имъ чуждо оттѣнковъ туше, —
Лишь сплетни, обжорство и сонъ.

И даже — здѣсь, въ домѣ моемъ, —
Въ поэта кумирнѣ святой, —
И здѣсь тяготятся мечтой,
Стремясь обеззвучить мой домъ...

Увы, даже дома и то
Сочувствія мнѣ не найти...
И некуда вовсе уйти;
Вѣдь грёзы не любитъ никто.

Теперь лишь одинъ спекулянтъ, —
„Идеецъ", мазурикъ, палачъ, —
Плоды пожинаетъ удачъ,
Смотря свысока на талантъ.

Черствѣютъ и дѣвьи сердца,
Нѣтъ больше лиричности въ нихъ,—
Наряды, танцульки, женихъ . . .
Любовь — пережитокъ глупца . . .

Жизнь стала противно — трезва,
И жадность — у всѣхъ идеалъ.
Желудокъ святыню попралъ,
Свои предъявляя права.

Художникъ для всѣхъ — человѣкъ
Лѣнивый, ненужный, пустой.
О, трезвый, рабочій, сухой,
Въ искусство не вѣрящій вѣкъ!

ПОЭЗА ДОПОЛНЕНІЯ.

Для ободренія-жъ народа
Который впалъ въ угрозный сплинъ
... Они возможники событій,
Гдѣ символомъ всѣхъ правъ — кастетъ.
„Поэза истребленья“ (т. IV).

Въ своей „Поэзѣ истребленья“
Анархію я предсказалъ.
Прошли три года, какъ мгновенье, —
И налетѣлъ мятежный шквалъ.

И вотъ теперь, когда наука
Побита неучемъ рабомъ,
Когда завыла чернь, какъ сука,
Хвативъ искусство батагомъ,

Теперь, когда интеллигента
Къ „буржую“ приравнялъ народъ,
И побѣдила кинолента
Театръ, прекраснаго оплотъ,

Теперь, когда холопу любо
Мазнуть Рафаэля слюной, —
Не вы-ль, о футуристы — кубо,
Происходящаго виной?

Не ваши-ль гнусныя стихозы
И „современья пароходъ“
Зловонныя взростили розы
И развратили весь народъ?

На ваши-ль мерзостныя бредни
И сумасшедшая мазня
Забрызгали въ Москвѣ послѣдній
Сарай, бездарностью дразня?

Ушли талантливые трусы,
А обнаглѣвшая бездарь,
Какъ готтентоты и зулусы,
Тлитъ музъ и пакоститъ алтарь.

А западъ-для себя гуманный! . . —
Съ презрѣньемъ смотритъ сквозь лорнетъ
На крахъ оріентальной, странной
Ему культуры въ цвѣтѣ лѣтъ.

И смотритъ онъ не безъ злорадства
На политическихъ вампукъ,
На всё республичное царство,
Гдѣ президентомъ царь Бурлюкъ.

Куда-жъ дѣваться вамъ отъ срама
Вы, русскіе низы и знать?
. . . Убравъ царя, влюбиться въ хама,
А гражданина вонъ изгнать?! . .

Влюбиться въ хама можетъ хамка,
Безстыжая въ своей гульбѣ.
Позоръ странѣ, въ поджогѣ замка
Нашедшей зрѣлище себѣ!

Позоръ странѣ, въ руинахъ храма
Чинящей пакостный развратъ!
Позоръ странѣ, проведшей хама —
Кощунника межъ царскихъ вратъ! . . .

III.

ТЕРЦИНЫ — КОЛИБРИ

ТЕРЦИНЫ — КОЛИБРИ.

1.

Зелёно-дымчатое море. Гребни
Молочно-свѣтозарные — во тьмѣ.
Душа къ Тебѣ въ восторженномъ молебнѣ

Такая ясность въ ледяномъ умѣ.
Въ Октябрьскій вечеръ, крѣпкій и суровый
Привѣтъ идущей изъ за горъ зимѣ,

Предвѣстницѣ весны издревле — новой!

2.

Мы сходимся у моря подъ горой.
Тамъ бродимъ на камняхъ. Потомъ уходимъ,
Уходимъ опечаленно домой

И дома вспоминаемъ, какъ мы бродимъ.
И это — всё. И больше — ничего.
Но въ этомъ мы такой восторгъ находимъ!

Скажи мнѣ, дорогая, — отчего?

3.

Ты все молчишь, какъ вечеръ въ октябрѣ,
Но плещется душа, какъ море—въ штилѣ.
Мы въ инеѣ, въ лиловомъ серебрѣ.

И я ли — я теперь? и ты — о, ты ли?
Какъ море въ штилѣ, плещется душа:
Совсѣмъ слегка, вся въ бирюзѣ умилій..

Какъ хороша ты! какъ ты хороша.

4.

Твои уста, покорныя моимъ,
Ласкательны, податливы и влажны.
Я ими упоительно томимъ.

Исполнены онѣ узывной жажды . . .
Сквозь нихъ въ мои струится сладкій сокъ,—
И вздрагиваетъ отзвукомъ нервъ каждый.

О, если-бъ ими захлебнуться могъ!

5.

Ахъ, взять тебя и трудно, и легко . . .
Не брать тебя — и сладостно, и трудно . . .
Хочу тебя безбрежно, глубоко!

О, влей въ глаза мнѣ взоръ свой изумрудный!
Вонзи въ уста мнѣ острыя уста!
Прости мой жестъ, въ своемъ безстыдствѣ
чудный.

Вѣдь страсть чиста! Пойми вѣдь.

6.

Ты ждешь весны, какъ ждетъ тебя весна.
Вы встрѣтитесь, двѣ дѣвы, двѣ юницы,
И будетъ ширь природы вамъ тѣсна,

И будетъ вамъ опять иное сниться:
Вамъ, двѣ весны, пригрезится морозъ,
Его мѣха, алмазы и денницы,

На окнахъ лепестки морозныхъ розъ...

7.

Люби меня, какъ хочется любить,
Не мысля, не страшась, не разсуждая.
Будь мной, и мнѣ позволь тобою быть.

Теперь зима. Но слышишь поступь мая?
Мелодію сирени? Краски птицъ?
Люби меня, натуры не ломая!

Бери меня! Клони скорѣе ницъ!

8.

Не избѣгай того, что быть должно:
Безцѣльный трудъ, напрасныя усилья, —
Вѣдь ты моя, вѣдь такъ предрѣшено!

О, страсть! расправь пылающія крылья
И за собой въ безбрежность насъ взорли.
И скажемъ мы, въ восторгѣ отъ воскрылья:

„Да, мы съ собой бороться не могли."

9.

Вотъ пятый годъ, какъ ты мнѣ дорога,
А страсть юна, — какъ прежде, неизбывна,
И насъ влекутъ попрежнему луга.

Попрежнему стремлюсь къ тебѣ порывно,
Все нови открываю съ каждымъ днемъ...
О, наша связь вовѣки неразрывна,

И страсть безсмертнымъ зажжена огнемъ.

10.

Тебя провожать, чтобы встрѣтить потомъ,
Съ тобою разстаться, чтобъ свидѣться вновь
Чтобъ въ этой разлукѣ загрезиться сномъ,

Чтобъ въ этой разлукѣ грузиться въ любовь,
И чувствовать то, чего нѣтъ при тебѣ...
Когда мы вдвоемъ, стынетъ сердце и кровь,

Но если мы врозь, каждый въ тайной алчбѣ.

11.

По долгу кайтселита я съ ружьемъ
До четырехъ утра брожу вдоль хижинъ,
Разползшихся чудовищнымъ ужомъ.

Не тронь меня, кто кѣмъ-нибудь обиженъ:
Чѣмъ помогу? — ружье мое безъ пуль,
И видъ его угрозный неподвиженъ.

Убійцу даже — я убить смогу-ль?...

12.

Я несомнѣнно скверный патріотъ,
Но не могу не радоваться бою
У петербургскихъ западныхъ воротъ:

Быть можетъ, жизнь несетъ тотъ бой съ собою,
А значитъ — и искусство, и любовь.
Въ нёмъ чувствуется что-то голубое,

А въ голубомъ всегда сіяетъ новь.

13.

Деревня спитъ. Оснѣженныя крыши —
Развернутые флаги перемирья.
Всё тихо такъ, что быть не можетъ тише.

Въ сухихъ кустахъ рисуется сатирья
Угрозья головы. Блестятъ полозья
Вверхъ перевернутыхъ саней. Въ надмірье.

Летитъ душа. Исполненъ умъ безгрёзья.

IV.

СИРЕНЬ СРЕДЬ ЛЮТИКОВЪ

ОСЕННЯЯ ПАЛИТРА.

Видъ поля печальный и голый.
Видъ лѣса уныло-нагой.
На крышѣ одной — бѣлый голубь,
И карій — на крышѣ другой.

И море, — и то какъ то наго
У горъ оголенныхъ груститъ.
И суша, и воздухъ, и влага —
Всё грусть и унынье таитъ.

МАЛИНОВЫЙ BERCEUSE.

Въ ней тихо бродила душа
Тургеневъ.

Въ ней тихо бродила душа.
Она была такъ хороша.

Душа хороша какъ она:
Пригожа, свѣтла и нѣжна.

И не было мига средь дня,
Чтобъ ей не хотѣлось меня.

И не было сутокъ въ году,
Чтобъ могъ я помыслить: „не жду“ . . .

Она приходила ко мнѣ
И тихая и въ тишинѣ.

Когда приходила она,
Тишала при ней тишина,

И жизнь была такъ хороша:
Въ ней тихо бродила душа.

ЭТО — ОНА.

Если вы встрѣтите женщину тихую,
Точно идущую въ шорохахъ сна,
Съ сердцемъ простымъ и съ душою великою,
Знайте, что это — она!

Если вы встрѣтите женщину чудную
Женщину, чуткую точно струна,
Чисто живущую жизнь свою трудную,
Знайте, что это — она!

Если увидите вы подъ запискою
Имя прекраснѣй, чѣмъ жизнь и весна,
Знайте, что женщина эта — мнѣ близкая,
Знайте, что это — она!

СОНЕТЪ XXXI.

— Диссо. —

Изыскная, какъ жительница Вѣны,
Въ венгеркѣ дамской, въ платьѣ bleugendarme,
Испрыскавъ на себѣ флаконъ вервэны,
Идетъ она, — и въ ней особый шармъ.

Къ ней цужатъ золотые караваны
Поклонниковъ съ издѣльями всѣхъ фирмъ...
Лишь донжуаны, чьи карманы рваны,
Берутъ ее глазами изъ за ширмъ...

Изящница, очаровалка, вѣнка,
Предъ кѣмъ и герцогиня — деревенка,
Въ ней что-то есть особое совсѣмъ!

Изысканка, утѐнченка, гурманка,
Съ весталковой душой эротоманка, —
Какъ у нея выходитъ: „Жду Васъ въ семь“...!

РОНДЕЛЬ XVI.

Люблю лимонное съ лиловымъ:
Сирень средь лютиковъ люблю.
Лимонъ фіалками томлю.
Пою луну весеннимъ словомъ:
Лиловымъ, лучезарнымъ, новымъ!
Луна — подобно кораблю . . .
Люблю лиловое съ лимоннымъ:
Люблю средь лютиковъ сирень.
Мнѣ такъ любовно быть влюбленнымъ
И въ ночь, и въ утро, въ вечеръ, въ день,
И въ полусвѣтъ, и въ полутѣнь,
Быть вѣчно жизнью восхищеннымъ,
Любить лиловое съ лимоннымъ . . .

РОНДО XXI.

Далёко-далёко, тамъ за скалами сизыми,
Гдѣ вѣетъ пустынями невѣрный сирокко,
Смѣняясь цвѣточными и грёзными бризами,
Далёко — далёко,

Ильферна, безплотная царица востока,
Ласкаетъ взоръ путника восходными ризами,
Слухъ арфой, вкусъ — нѣгою банаинаго сока...

Потомъ испаряется, опутавъ капризами
Случайнаго странника, и онъ одиноко
Тоскуетъ надъ брошенными ею ирисами, —
Далёко — далёко!

ГАЗЭЛЛА XI.

Я помню весеннее пѣнье весла,
За взлётомъ блестящимъ паденье весла.

Я помню, какъ съ веселъ струился рой брызгъ.
Въ рукѣ твоей твердо движенье весла.

Когда ты гребла, въ сердцѣ стихъ возникалъ:
Онъ зачатъ, сдается, въ біеньи весла.

Когда ты гребла, музыкально гребла,
Не брызги текли, — упоенье съ весла.

И вся ты въ полётѣ была золотомъ, —
Такъ златно твое окрыленье весла!

ПОЭЗА ТВОИХЪ КОНТРАСТОВЪ.

Ты такъ ясна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, туманна.
Ты такъ вѣрна и, вмѣстѣ съ тѣмъ обманна.
И нѣтъ къ тебѣ дорогъ.

Уста чисты, — словъ грѣшныхъ ими хочешь.
Рыдая, ты отчаянно хохочешь.
Развратный обликъ строгъ.

Тебя не взять, пока ты не отдашься.
Тебя не брать — безбрачью ты предашься.
Какъ поступить съ тобой?

Ты такъ горда и такъ несамолюбна.
Ты — безъ слѣда, но въ мірѣ златотрубна,
Къ тебѣ влекусь съ мольбой.

ПОЭЗА ЛѢТНЕЙ ВСТРѢЧИ.

Я шелъ по берегу рѣки
Тропинкой въ центрѣ склона.
Ромашки — точно мотыльки.
И все вокругъ зелено.

На поворотѣ, на крутомъ,
Какъ будто изъ Жюль Верна,
Возникла въ уровень съ кустомъ
Хорошенькая серна.

И этой встрѣчею врасплохъ
Захвачены, мы стали,
Изъ губъ ея метнулся вздохъ —
Испуга — ли? печали?

Спустя мгновенье, — какъ стрѣла,
Она неслась обратно.
Ужель душа моя была
И сернѣ непонятна? ...

ПОЭЗА О ВЕРАНДѢ.

Не Ваша ли веранда, Лина,
Гдѣ розовѣетъ lieberlong,
Закутанная вся сиренью,
Мнѣ навѣваетъ настроенье —
Цитировать изъ „Ванделина“,
Сзывая слушателей въ гонгъ?

Внемли, тѣнистая веранда,
Душисто красочнымъ стихамъ,
Поэмѣ истинной и чистой.
Пусть нѣкій голосъ соловьистый,
Который нѣжно любитъ Сканда,
Звучитъ съ тебя по вечерамъ.

ПОЭЗА ВЕСЕННЯГО ОЩУЩЕНІЯ.

Отъ тоски ты готова повѣситься,
Отравиться иль выстрѣлить въ ротъ.
Подожди три оснѣженныхъ мѣсяца, —
И закружитъ весна хороводъ.

Будутъ пѣть соловьи о черемухѣ,
И черемуха — о соловьяхъ.
Дай-то Богъ револьверу дать промахи
И веревкѣ разсыпаться впрахъ.

Будутъ рыбъ можжевеловой удочкой
Подсѣкать остріями крючка.
Будетъ лебедь со снѣжною грудочкой
Проплывать по рѣкѣ, такъ легка.

Будутъ почки дышать влагой клейкою,
Зеленѣть и струить ароматъ,
И, обрадованные лазейкою,
Ливни шейку твою обструятъ.

Зачеремушатся, засиренятся
Подъ разливной рѣкою кусты
Запоютъ, зашумятъ, завесенятся.
Всѣ подруги твои, какъ — и ты.

Зазвенитъ, заликуетъ, залюбится
Все, что гасло зимой отъ тоски.
Топоромъ все сухое обрубится
Смѣло сочное пуститъ ростки.

Чѣмъ повѣситься, лучше загрезиться.
Не травись и въ себя не стрѣляй
Какъ-нибудь перебейся три мѣсяца,
Ну, а тамъ недалеко и май!

ПОЭЗА НОВАЯ НА СТАРЫЙ ЛАДЪ.

Что значитъ — одну любить?
Что значитъ — съ одною жить?

Зачѣмъ же такъ много дѣвъ,
И въ каждой есть свой напѣвъ?

И этихъ напѣвовъ рой
Не можетъ пребыть въ одной...

Кто любитъ напѣвы всѣ,
Тотъ преданъ одной красѣ.

Краса не въ одной, — во всѣхъ.
Въ одной только часть утѣхъ.

Чтобъ всю красоту впитать,
Нельзя уставать искать.

Стремиться отъ сна ко сну...
Всѣхъ — значитъ любить одну.

ТЕБѢ ОТВѢТЪ.

Ты говоришь, что книги — это ядъ,
Что глубь душевную онѣ мутятъ,
Что послѣ книгъ невыносима явь.
„Избавь отъ книгъ“, — ты говоришь: „избавь“...

Не только въ книгахъ ядъ, — онъ и въ веснѣ,
И въ непредвидѣнномъ волшебномъ снѣ,
И въ роскоши волнующихъ витринъ,
Въ палитрѣ струнъ и въ музыкѣ картинъ.

Вся жизнь вокругъ, мой другъ, повѣрь мнѣ, ядъ —
То сладостный, то горькій. Твой нападъ
На книги — заблужденье. Только тотъ
Безоблаченъ, кто вовсе не живётъ.

НАПЕРЕКОРЪ.

Опять себя вообрази
Такой, какой всегда была ты,
И въ дни, когда блестятъ булаты,
Ищи цвѣточныя стези.

Вообрази опять себя
Эстеткой, а не грубой бабой,
Жизнь, ставшую болотной жабой,
Въ мечтахъ, какъ фею, голубя.

Пусть міръ — вперёдъ, а ты — все вспять:
Не поддавайся прознымъ бреднямъ...
Цвѣткомъ поэзіи послѣднимъ
Вообрази себя опять!...

ЛИЛОВАЯ ЦВѢТУНЬЯ.

Стремись поймать эола,
Дитя, въ цвѣтной сачекъ.
Дурманитъ матіола.
Стрекочетъ ручеекъ.

И въ обоянье гвозди
Сирень, безбольно вбивъ,
Пылаетъ на погостѣ,
Вся — фьолевый порывъ.

Въ цвѣтеніе іюня
Кусты свои накрень,
Пѣвучая цвѣтунья,
Крылатая сирень!

НÒНА.

О, среброголубыя кружева
Уснувшей снѣжной улицы — аллеи!
Какія подыскать для васъ слова,
Чтобъ въ нихъ изобразить мнѣ васъ милѣе?

Въ декабрьской летаргіи, чуть жива,
Природа спитъ. Сонъ — ландыша бѣлѣе.
Безмужняя зима, ты — какъ вдова.
Я прохожу въ лазури среброкружевъ,
Во всемъ симптомы спячки обнаруживъ.

СЕКСТИНА XI.

Какихъ-нибудь пять лѣтъ, — и что за перемѣна!
Какой разительный съ умчавшимся контрастъ!
Взамѣнъ изысканныхъ деликатэсовъ — сѣно,
И братоненависть взамѣнъ и сектъ, и кастъ.
Картофель — тысяча рублей мѣшокъ!.. Полѣно
Въ продажѣ на фунты!.. Выбрасывай балластъ!

Умчаться отъ земли мѣшаетъ намъ балластъ —
Земная наша жизнь. Но манитъ перемѣна:
Самоубійствомъ ли покончить? взять полѣно
И голову разбить? — вѣдь жизнь и смерть контрастъ:
Не лучше-ль умереть, чѣмъ жить средь звѣрскихъ кастъ,
И вмѣсто хлѣба — ѣсть овесъ, солому, сѣно?

Нѣтъ, сѣна ѣсть нельзя. Однажды ѣли сѣно
Въ „Пенатахъ" Рѣпина, на мясо, какъ балластъ
Къ возвышеннымъ мечтамъ, смотря... Но „сѣнныхъ кастъ"
Судьба плачевная: такая перемѣна
Ускариваетъ смерть, — трава и волъ — контрастъ,
Какъ дѣва и мечта, какъ скрипка и полѣно.

Убійственные дни! не время, а — полѣно!..
И не цвѣты цивилизаціи, а — сѣно!..
Въ Гармонію ножомъ вонзившійся контрастъ...
И жизнь — нескидываемый во вѣкъ балластъ...
И съ каждымъ новымъ днемъ угрознѣй перемѣна
Средь политическихъ противорѣчныхъ кастъ...

Намъ не на чемъ уплыть отъ голода, отъ кастъ,
Отъ драговизны: вмѣсто корабля — полѣно,
Намъ некуда уйти: ѣдятъ повсюду сѣно;
И нечего намъ ждать: какая перемѣна
Намъ участь облегчитъ? Весь выброшенъ балластъ,
А шаръ не высится: его влечетъ контрастъ...

Живя въ полѣнный вѣкъ, гдѣ царствуетъ контрастъ
Утонка съ грубостью; уставъ отъ всякихъ кастъ
Разбойныхъ и тупыхъ; на жизнь, какъ на балластъ,
Съ унынiемъ смотря; въ душѣ людской полѣно
Невольно усмотрѣвъ; — ложимся мы на сѣно
И пробуемъ уснуть: сонъ — все же перемѣна...

СЕКСТИНА XII.

Любовь и страсть! Страсть и любовь.
Валерій Брюсовъ.

Страсть безъ любви — лишь похоть, а не страсть.
Любовь безъ страсти просто безлюбовье.
Какъ въ страстный бредъ безъ нѣжности упасть?
Безъ чувства какъ озноить хлоднокровье?
Какъ власть любви смѣнить на страсти власть
Безъ огневзорья и безъ огнесловья?

Горячими тропами огнесловья
Идетъ всегда безра́зумная страсть.
Сладка ея мучительная власть,
И передъ ней, въ испугѣ, безлюбовье
Шарахнется, и, съежась, хладнокровье
Сторонится, чтобъ, въ страхѣ, не упасть.

Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ въ страсть упасть,
Скользя въ нее лавиной огнесловья,
Въ зной претворяя сердца хладнокровье,
Въ нее, въ засасывающую страсть.
Ахъ, передъ тѣмъ безсильно безлюбовье:
Власть безлюбовья — призрачная власть.

Лишь власть любви есть истинная власть,
И этой власти вѣчно не упасть,
Пусть временно и тлѣнно безлюбовье,
Но гдѣ цвѣтетъ кострами огнесловье,
Гдѣ соловьемъ руладящая страсть,
Тамъ кровь жарка, — пусть мертвымъ хладнокровье.

Эмблема смерти — это хладнокровье,
И ледовита хладнокровья власть.
Какъ на каткѣ, опасно тамъ упасть.
Тѣхъ не вернетъ живительная страсть
Вновь къ жизни эликсиромъ огнесловья, —
Нелюбящему — ледникъ безлюбовья.

Будь скопческое клято безлюбовье
И ты, его наперсникъ, хладнокровье!
Будь жизненное славно огнесловье!
Прославься ты, единственная власть,
Подъ игомъ чьимъ отрадно мнѣ упасть, —
Страсть и любовь! и вновь — любовь и страсть!

СЕКСТИНА XIII.

Блаженъ познавшій власть твою и гнётъ,
Любовью вызываемая ревность!
Въ тебѣ огонь, біенье и полётъ,
Вся новь въ тебѣ, и мировая древность.
Ахъ кто, ахъ кто тебя не воспоетъ?
Ты — музыка! ты нѣга! ты — напѣвность!

И что ни разновидность, то напѣвность
Иная каждый разъ, и разный гнетъ . . .
Кто всѣ твои оттѣнки воспоетъ,
Хамелеонъ! фатаморгана! — ревность!
Одной тобой благоухаетъ древность,
Одной тобой крылатъ любви полётъ.

Однако, обезкрыленъ тотъ полетъ,
Однако, безнапѣвна та напѣвность,
Тотъ ароматъ не истончаетъ древность,
И тягостенъ, какъ всякій гнетъ, тотъ гнетъ,
Когда не отъ любви возникнетъ ревность,
А отъ тщеславья, — ту кто воспоетъ? . . .

Никто, никто ее не воспоетъ,
Не обратитъ ее никто въ полетъ, —
Нѣтъ, не оправдана такая ревность.
При ней смолкаетъ нѣжная напѣвность,
Она — вся мракъ, вся — прахъ земной, всягнетъ,
Ее клеймятъ равно и новь, и древность . . .

Чѣмъ ты жива, мудрѣйшая, — о, древность?
Не вспомнивъ страсть, кто древность воспоетъ?
Не оттого-ль безсмертенъ твой полетъ,
Что знала ты любви и страсти гнетъ?
Не оттого-ль ярка твоя напѣвность,
Что зачала ты истинную ревность?

Блаженны тѣ, кто испытали ревность
И чрезъ нее прочувствовали древность,
Чьи души перламуприла напѣвность!
Прославься, мозгкружительный полетъ!
Тебя безгласый лишь не воспоетъ . . .
Чѣмъ выше ревность, тѣмъ вольнѣе гнётъ.

СЕКСТИНА XIV.

Не можетъ сердце жить измѣной,
Измѣны нѣтъ, — любовь одна.
З. Гиппіусъ.

Измѣны нѣтъ, пока любовь жива.
Уснетъ любовь, пробудится измѣна.
Правдивы лживыя ея слова,
Но ложна суть измѣноваго плѣна.
Измѣна — путь къ иной любви. Права
Она вездѣ, будь это Обь иль Сэна.

Изысканность, — не воду, — льешь ты Сэна,
И, — не водой, — искусствомъ ты жива,
И, — не водой, ты мыслями права.
Лишь противъ вкуса не была измѣна
Тобой зачата. Нѣтъ вольнѣе плѣна,
Въ которомъ вы, парижскія слова.

Монументальны хрупкія слова.
Величественнѣй Амазонки — Сэна.
Прекраснѣй воли — угнетенья плѣна
Изящества; и если ты жива,
Французовъ мысль, — лишь грубому измѣна
Живитъ тебя: ты граціей права.

Любовь — когда любовь — всегда права,
И непреложны всѣ ея слова.
Ей антиподна всякая измѣна.
Но всѣхъ острѣй ее познала Сэна,
Хотя она на всей землѣ жива —
Владычица ласкательнаго плѣна.

Плѣнъ воли и равно свободу плѣна,
Всѣ ихъ оттѣнки, какъ и всѣ права,
Я перевью въ жемчужныя слова, —
И будетъ пѣснь моя о нихъ жива.
Пусть внемлетъ ей восторженная Сэна,
Познавъ, какъ мной оправдана измѣна.

Измѣны нѣтъ. Сама любовь — измѣна;
Когда одна любовь бѣжитъ изъ плѣна,
Другая — въ плѣнъ. Пусть водоплещетъ Сэна
Аплодисментно на мои слова;
Измѣны нѣтъ: любовь всегда права,
И этимъ чувствомъ грудь моя жива.

СЕКСТИНА XV.

О, похоть, похоть! ты — какъ нетопырь
Дитя-уродъ зловоннаго болота,
Костеръ, который освѣтилъ пустырь
Сусальная беззлатка — позолота
Ты тяжела, какъ сто пудовыхъ гирь
Нѣтъ у тебя, ползучая, полета.

И развѣ можно требовать полета
Отъ мыши, что зовется нетопырь,
И развѣ ждать ажурности отъ гирь,
И развѣ ароматъ вдыхать болота,
И развѣ есть въ хлопушкѣ позолота
И развѣ тѣни можетъ дать пустырь?

Безплоденъ, безтѣнистъ и нагъ пустырь —
Аэродромъ машиннаго полета.
На немъ жалка и солнца позолота
Излюбовалъ его лишь нетопырь,
Какъ злой намёкъ на тлѣнное болото
На пустырѣ, и крылья съ грузомъ гирь.

О, похоть, похоть съ ожерельемъ гирь,
Въ тебѣ безглазый нравственный пустырь
Ты вся полна міазмами болота
П о в р а г а страсти, дрожи и полета,
Но ты летишь на свѣтѣ, какъ нетопырь,
И вѣдая, какъ слѣпитъ позолота.

Летучей мыши — свѣта позолота
Опасна, какъ крылу — вѣсъ тяжкихъ гирь,
Какъ овощамъ — заброшенный пустырь.
Не впейся мнѣ въ лицо, о нетопырь,
Какъ избѣжать мнѣ твоего „полета",
О, сѣрый призракъ хлипкаго болота?

Кто любитъ море, тотъ бѣжитъ болота
Страсть любящему — плоти позолота
Не золота. Нѣтъ въ похоти полета
Кто любитъ садъ, тому постылъ пустырь.
Мнѣ паутинка драгоцѣннѣй гирь
И соловей милѣй, чѣмъ нетопырь.

РИСУНОКЪ.

Въ приморскомъ паркѣ надъ рѣкою есть сосна,
Своею формою похожая на лиру.
И на оранжевомъ закатѣ въ октябрѣ
Приходитъ дѣвушка туда ежевечерно.
Со лба спускаются на груди двѣ косы,
Глаза безумствуютъ весёло-голубые,
Веснушки радостно порхаютъ по лицу,
И губы узкія и длинныя надменны . . .
Въ нее, я знаю, вся деревня влюблена,
(Я разумѣю подъ „деревней" всё мужское).
Ей лестно чувствовать любовь со всѣхъ сторонъ,
Н для исканій всѣхъ она неулови ъ а.
Она кокетлива и дѣвственно-груба,
Такая ласковая по природѣ,
Она чувствительна и чувственна, но страсть
Ей подчиняется, а не она — порыву . . .

УТОПЛЕННЫЙ ДУШОЙ.

Мое одиночество полно безнадежности,
Не можетъ быть выхода душѣ изъ него.
Томлюсь ожиданіемъ несбыточной нѣжности,
Люблю подсознательно — не знаю кого.

Зову несмолкаемо далекую — близкую,
Быть можетъ — тѣлесную, быть можетъ — мечту.
И въ непогодь темную по лѣсу я рыскаю,
Свою невозможную зовя налету.

Но что-жъ безнадежнаго въ моемъ одиночествѣ?
Зачѣмъ промелькнувшая осталась чужой?
Есть правда начальная въ старинномъ пророчествѣ
„По душамъ тоскующій захлёснутъ душой."

И ПОСТЪ, И ПИРЪ.

Твои глаза, глаза лазурные,
Твои лазурные глаза,
Во мнѣ вздымаютъ чувства бурныя,
Лазоревая стрекоза.

О, слышу я краснорѣчивое
Твое молчанье, слышу я . . .
И тѣло у тебя — красивая
Тропическая чешуя.

И губы у тебя упругія,
Упруги губы у тебя . . .
Смотрю въ смятеньи и испугѣ я
На нихъ, глазами ихъ дробя . . .

Ты вся, ты вся такая сборная:
Стрекозка, змѣйка и вампиръ.
Златая, алая, лазорная,
Вся — постъ и вакханальный пиръ...

ВАНГЪ И АБІАННА.

Вангъ и Абіанна, жертвы сладострастья,
Нѣжились тѣлами до потери силъ.
Звякали призывно у нея запястья.
Новыхъ изліяній взоръ ея просилъ.

Было такъ безумно. Было такъ забвенно.
Въ кровь кусались губы. Ротъ вмѣщался въ ротъ.
Трепетали груди и межножье пѣнно.
Поцѣлуй головки — и наоборотъ.

Было такъ дурманно. Было такъ желанно.
Била плоть, какъ гейзеръ, пѣнясь, какъ майтранкъ.
Въ мукахъ сладострастья млѣла Абіанна,
И въ ея желаньяхъ былъ утопленъ Вангъ.

V.

ЗМѢЙ УКУСЫ.

ПОЭЗА ДЛЯ ЛАКОМОКЪ.

Berrin, Gourmets, Rabon, Ballet,
Ивановъ, Кучкуровъ и Кестнеръ
Сіяли въ петербургской мглѣ —
Свѣтилъ верхушечныхъ чудеснѣй . . .

Дессертный хлѣбъ и грезотортъ
Какъ бы изъ свѣжей земляники —
Не этимъ ли Ивановъ гордъ,
Кондитеръ истинно-великій? . . .

А пьяновишни отъ Berrin?
Засахаренные каштаны?
Сначала — tout, а нынѣ — rien:
Чтобъ лѣвыхъ драли всѣ шайтаны!

Bonbons de viollettes Gourmets,
Пирожное каштановъ тертыхъ —
Вкушать на яхтенной кормѣ
Иль на beaumonde'овыхъ курортахъ.

Мечтаетъ Grace, кого мятежъ
Загналъ въ кургаузъ Кисловодска;
„О, у Gourmèts былъ boule de neige"
Какъ мятно-сахарная клецка . .

И Нелли къ Кестнеру не разъ
Купить „пластинокъ изъ малины"
Заѣхала: забыть ли васъ?
Вы таяли, какъ трель Филины!

И ты прославленъ Кучкуровъ,
Воздѣлыватель тортовъ „Мокка"!
Ахъ, не было безъ нихъ пировъ
Отъ запада и до востока...

А Гессель? Рикъ? Rabon? Ballet?
О что за булочки и слойки!
Все это жило на землѣ,
А нынѣ всѣ онѣ — покойки!

ИХЪ КУЛЬТУРНОСТЬ...

Мнѣ сказали однажды:
„Изнывая отъ жажды
Просвѣщенья, въ Россіи каждый, знай, гражданинъ.
Тонко любитъ искусство,
Разбираясь искусно
Средь стиховъ, средь симфоній, средь скульптуръ и картинъ".

Чтобы слухъ сей провѣрить,
Сталъ стучаться я въ двери:
„Вы читали Бальмонта, — Вы и Ваша семья?"
— „Энто я-то? аль онъ-то?
Какъ назвали? Бальмонта?
Энто что же такое? не пойму что-то я.

Може, энто письмовникъ?
Такъ читалъ намъ садовникъ,
По прозванью Крапива — икъ! — Крапива Ѳедулъ.
Може, энто лечебникъ?
Такъ читалъ намъ нахлѣбникъ,
Что у насъ проживаетъ: Пармошка Разгулъ.

Може, энто оракулъ?" —
Но ужъ тутъ я заплакалъ:
Стало жаль мнѣ Бальмонта и себя, и страну:
Если „граждане" всѣ такъ —
Некультурнѣе вѣтокъ,
То странѣ такой впору погрузиться въ волну!...

ИКРА И ВОДКА.

Раньше паюсной икрою мы намазывали булки.
Слоемъ толстымъ маслянистымъ приникала къ нимъ икра.
Безъ икры не обходилось пикника или прогулки.
Пили мы за осетрину — за подругу осетра.

Николаевская бѣлка, царская красноголовка,
Наша знатная казенка — что сравниться можетъ съ ней,
Съ монополькой русской хлѣбной?!... выливалась въ горло ловко...
Къ ней икра была закуской лучше всѣхъ и всѣхъ вкуснѣй!

А въ серебряной бумагѣ, мартовская, изъ Ростова,
Лакированнымъ рулетомъ чаровавшая нашъ глазъ?!...
Развѣ позабыть возможно ту, что ч р е з и т ь с я готова,
Ту, что нашъ языкъ ласкала, ту, что льнула, какъ атласъ!

Какъ бывало не озябнешь, какъ бывало не устанешь,
Какъ бывало не встоскуешь — лишь въ столовую войдешь:
На графинъ кристальной водки, на икру въ фарфорѣ взглянешь, —
Сразу весь повеселѣешь, потеплѣешь, отдохнешь! ...

ПОЭЗА О ЗНАТНОЙ ДАМѢ.

Кто это ходитъ по улицѣ въ сакѣ
Плюшевомъ желтомъ, бесѣдуя съ прачкой
О происшедшей на ярмаркѣ дракѣ?
— Знатная дама, дама съ собачкой.

Кто это сплетничаетъ такъ умѣло
Въ мѣстной аптекѣ, охваченной спячкой,
О поэтессѣ, смѣющейся смѣло?
— Знатная дама, дама съ собачкой.

Кто это въ спальнѣ раскрывши оракулъ
Ищетъ съ кѣмъ мужъ измѣняетъ: съ полячкой
Или съ жидовкой, чтобъ грѣшную на колъ?
— Знатная дама, дама съ собачкой.

Кто это день наполняетъ свой цѣлый
Руганью, картами, храпомъ и жвачкой?
Кто это ходитъ все съ ношею бѣлой?
— Знатная дама, дама съ собачкой.

Г-НЪ ЦАПЪ-ЦАРАПЪ.

1.

По деревнѣ ходитъ мѣстный
Скоморохъ и шутъ, —
Враль и пьяница извѣстный,
Выжига и плутъ.

Изъ охранки эксъ-чиновникъ
И большой богачъ,
Всѣхъ продажныхъ бабъ любовникъ,
Дѣвушекъ пугачъ.

„Я волшебникъ! Я полковникъ!
Попъ и эскулапъ!“ —
Увѣряетъ эксъ-чиновникъ
Сыска — Цапъ-Царапъ.

— Я-ль не крестникъ государя?
„Я-ли не герой?“ —
И надуется вдругъ харя,
Какъ пузырь, горой.

— „Всѣхъ на свѣтѣ я полезнѣй:
Перенёсъ, ей-ей,
Даже женскія болѣзни
И рожалъ дѣтей!

Дайте мнѣ солдатъ штукъ восемь
Подъ начальство, и
Двѣсти тысячъ мы отбросимъ
Чортъ, въ края твои!" —

Попивая самогонку
Иль денатуратъ,
Трамъ бранитъ и хвалитъ конку
Старый ретроградъ.

И телятиною густо
Понабивъ свой ротъ
Впухъ и впрахъ честитъ искусство
Жалкій идіотъ.

Носомъ, точно прѣлой грушей,
Машетъ, то и знай:
Коли не любо — не слушай,
Врать же не мѣшай!

2.

Говорятъ, онъ очень добрый,
Прѣлый весь, какъ носъ:
Не ломаетъ людямъ ребра,
Только шлетъ доносъ...

И смотря по настроенью,
Просто съ пьяныхъ глазъ,
Въ камеру для заключенья
Приглашаетъ васъ...

А потомъ, при встрѣчи, нѣжно
Кланяется вамъ,
Вопрошая васъ небрежно,
Какъ гостили тамъ...

За подобную любезность
И за добрый нравъ
Цапъ-Царапа цѣнитъ мѣстность
Нужнымъ ей признавъ;

Онъ полезенъ: онъ въ подарокъ
Богодѣльнѣ дастъ
Разъ въ пять лѣтъ пятнадцать марокъ, —
Онъ на то гораздъ...

Такъ то полублагодѣтель,
Но и цѣлый шпикъ,
Пуль, ножей, дубинъ и петель
Избѣгать привыкъ...

ПОЭЗА ДЛЯ БѢЖЕНЦЕВЪ,

Въ этой маленькой русской колоніи,
Здѣсь спасающей отъ беззаконія
Свои бренные духъ и тѣла,
Интересы такіе мизерные,
Чувства подленькія, лицемѣрныя,
Ищутъ всѣ лишь ѣды и тепла.

Всѣ ѣдятъ — это очень естественно
И тепло въ наше время существенно
Съ этимъ спорить не будетъ никто.
Но вѣдь кромѣ запросовъ желудочныхъ
И тѣлесныхъ, есть рядъ мозгогрудочныхъ
Кромѣ завтраковъ, дровъ и пальто.

Есть театръ, есть стихи, есть симфоніи.
Есть картины и если въ Эстоніи
Ничего нѣтъ такого для васъ,
Соотечественники слишкомъ русскіе,
Виноваты вы сами, столь узкіе,
Что теряете ухо и глазъ.

Если здѣсь въ деревушкѣ подобнаго
Ничего не найти, кромѣ сдобнаго
Хлѣба, можно давать вечера
Музыкально — поэзо — вокальные,
Можно пьесы поставить лойяльныя
И, пожалуй, плясать до утра.

Можно вслухъ проштудировать Гоголя
(Ахъ, сознайтесь, читали вы много-ли
Изъ него въ своей жизни, друзья!..)
Можно что-нибудь взять изъ Некрасова,
Путешествіе знать Гаттерасово,
Если Нитцше, допустимъ нельзя...

Но куда вамъ такія занятія,
Вызывающія лишь проклятія, —
Лучше карты, ѣда и развратъ!
Лучше сплетни, интриги и жалобы,
Что давно де войскамъ не мѣшало бы,
Взять для вашихъ удобствъ Петроградъ!..

VI.

СЪ ЭСТОНСКАГО.

ИЗЪ МАРІИ УНДЭРЪ.

Утро.

(Съ эстонскаго).

Вновь воскресаю я каждое утро —
Розовая въ свѣтлой пѣнѣ простынь:
Блондныхъ волосъ ручейки, — желтовинь, —
Льются съ висковъ — съ чаши изъ перламутра.
Вновь я интимна, свѣжа и тепла!
Вотъ соскользнули съ цвѣтущей постели
Бѣлыя ночи одухотворенныя,
Лунью расплавленной осеребренныя;
Струйки одеждъ молокомъ заблестѣли.
Пауза солнца къ зарѣ истекла.
Сыплетъ ко мнѣ золотистый песокъ
Солнце на сонныя крошки — окошки,
Тихо, невѣстно, зоветъ на дорожки.
Въ дребезги сердце распалось. Глубокъ
Садъ, какъ колодецъ, прохладенъ и зеленъ,
Полонъ предчувствій, какъ тайна великая.
Здравствуй, Сегодня! покойся, Вчера!
Утро — мостъ розъ, сходня розовобликая
Къ дню. День — корабль, къ чуду путь чей нацѣленъ:
Синему парусу вздуться пора.

ИЗЪ ГУСТАВА СУЙТСА.

(Съ эстонскаго).

1.

КОШМАРЪ

Боль въ головѣ ото дня.
Ночь даже сну западня
Въ отчемъ краю.

Юности вѣра, гдѣ ты?
Въ сердцѣ томленье мечты.
Муку таю

Дѣло дней сѣрыхъ закрылъ
Кругъ заколдованный силъ
Ночи нѣмой.

Въ темномъ плѣненьѣ земля,
Даже во снѣ не внемля,
Ужасъ со мной.

Въ темномъ, земля, ты плѣну.
Тучи закрыли луну.
„Помощь подай!“

Чей-то какъ будто возникъ
Въ вѣтрѣ таинственный вскрикъ:
„Помощь подай!“

Чувствую: руку занесъ,
Чтобъ умерщвлять, духъ угрозъ —
Самъ сатана.

Чувствую: братъ мой зоветъ.
Помощь душа не даетъ:
Въ путахъ она.

2.

БОГИ И ГЛУПЦЫ,

Боги безсмертные, въ выси живущіе . . .
Смертные дурни, въ низинахъ ползущіе . . .

Здѣсь даже днемъ — ни конца, ни начала.
Лишь по ночамъ отъ нихъ свѣтъ излучало.

Тысячи, тысячи тамъ свѣтлыхъ оконъ.
Щеки ничтожныхъ, вперившихъ въ высь око.

Никнутъ, вздыхая, пѣвцы. Плачутъ жены.
Глухи недвижныхъ друзей моихъ стоны.

ФИНАЛЪ.

100

F.L. 14-3-50

495554
LR
L8824me
[Lotarev, Igor' Vasil'evich]
Менестрель.
[Transliter.: Menestrel']

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED